

Гаврилова Валерия Евгеньевна
канд. экон. наук, доцент
кафедры экономики для естественных
и гуманитарных факультетов
экономического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова.
Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 46
vegavrilova@econ.msu.ru

ВАЛЮТНЫЕ ПРОСТРАНСТВА СОВРЕМЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНОГО ТРАНСФОРМАЦИОННОГО КРИЗИСА

Gavrilova Valeriya E.
Candidate of Economic Sciences,
Associate professor,
Department of Economics for Natural
and Humanitarian Faculties,
Faculty of Economics,
Lomonosov Moscow State University.
Moscow, Leninskie Gory, 1/46
vegavrilova@econ.msu.ru

MONETARY SPACES OF MODERNITY IN THE CONTEXT OF THE INTERNATIONAL TRANSFORMATIONAL CRISIS

Введение. Снижение темпов экономического роста, разрывы международных хозяйственных связей, торговые войны, проблемы с эффективностью в банковском секторе в странах — лидерах мировой экономики, свидетельствуют о трансформационном кризисе, важнейшим проявлением которого является усиление значения различных валютных зон, которые следует рассматривать как потенциальные альтернативы доминирующему валютному пространству доллара США.

Материалы и методы. Автор опирается на материалы официальных сайтов ведущих финансовых организаций, аналитических агентств, монографий и научных статей отечественных и зарубежных авторов для применения аналитического метода, основанного на принципе экстраполяции и историчности.

Результаты исследования. Выявляется сущность, условия для формирования и значение для стран-участниц эффективного валютного пространства в условиях трансформационного кризиса и высокой турбулентности мировой экономики. Происходящие изменения в экономике большинства стран — лидеров мировой экономики указывают на появление объективных предпо-

сылок для трансформационного кризиса, который проявляется в отрицании принципов капиталистического хозяйства, ослаблении валютного пространства американского доллара и демонстрирует затяжной характер.

Обсуждение. Ключевым признаком трансформационной природы современного кризиса является усиление позиций различных валютных пространств, которые могут быть вновь создаваемыми страной-доминантом (юань, рубль), формироваться по религиозному (арабский золотой динар) или территориальному (евро, карибский доллар, швейцарский франк) признаку, функционировать частично вне правового поля государственного или корпоративного уровня (криптовалюта). Разнообразие зон валютного влияния указывает на высокую экономическую турбулентность и серьезные глобальные риски.

Заключение. В ситуации глобальной трансформации, для которой характерны деструктивные экономические и социальные явления, сформировались объективные причины для возникновения нескольких валютных пространств, однако пока рано говорить об однозначной траектории их развития и доминирования.

Ключевые слова: деньги, кризис, трансформация, валютная зона, валютное пространство, криптовалюта, криптоофшор.

Introduction. The author points out that the slowdown in economic growth rates, breaks in international economic ties, trade wars, efficiency problems in the banking sector in the leading countries of the world economy, indicate a transformational crisis, the most important manifestation of which is the increasing importance various currency areas, which should be considered as potential alternatives to the dominant US dollar currency area.

Materials and methods. The authors rely on materials of the official websites of leading financial organizations, analytical agencies, monographs of both domestic and foreign authors for applying the analytical method based on the principle of extrapolation and historicity.

Results of the study. The article reveals the essence, conditions for the formation and significance for the participating countries of an effective currency area in the context of a transformational crisis and high turbulence in the world economy. The ongoing changes in the economies of most of the leading countries indicate the emergence of objective prerequisites for a transformational crisis, which manifests itself in the denial of the principles of the capitalist economy, the weakening of the currency space of the US dollar and demonstrates a protracted nature.

Discussion. The key sign of the transformational nature of the current crisis is the strengthening of the positions of various currency areas, which can be either newly created by the dominant country (yuan, ruble), formed according to religious (Arab gold dinar) or territorial (euro, Caribbean dollar, Swiss franc) sign, to function partially outside the legal field of the state or corporate level (cryptocurrency). This variety of zones of currency influence indicates high economic turbulence and serious global risks.

Conclusion. The authors argue that in the situation of global transformation, which is characterized by destructive economic and social phenomena, objective reasons have formed for the formation of several currency areas, but it is too early to talk about an unambiguous trajectory of their development and dominance.

Key words: money, crisis, transformation, currency area, currency space, payment instruments, cryptocurrency, crypto-offshore.

Введение

В 2022 г. активизировались процессы, влияние которых на глобальную геополитическую ситуацию вызывает одновременно и настороженность, и всеобщий научный интерес. Стремительное «вкатывание» богатейших стран мира в фазу депрессии, уменьшение горизонта корпоративного планирования до небывалых значений, разрушение мирохозяйственных связей подтверждают идею профессора Лондонской школы экономики Д. Гребера, что современная экономика — это экономика долга, и она сгенерировала такие деньги, у которых нет собственной сущности, и в этом качестве деньги всегда были и будут объектом для политических распри [8]. Сегодня ясно, что кризисные явления в экономически успешных странах — это трансформационный кризис, а экономическая модель, основанная на росте глобального долга, исчерпала возможности для воспроизводства.

Вопросы, связанные с сущностью трансформационного кризиса, представленные в научной литературе, в основном касаются опыта перехода от плановой экономики стран Восточной Европы [23, 26] и республик СССР [3, 13] к рыночной модели хозяйствования. Особенности современного трансформационного кризиса раскрыты фрагментарно и объясняются деструктивным характером глобальной финансовой системы [7], несовершенством институциональной подсистемы [12]. Первое обращение к проблемам валютной интеграции в рамках капиталистической модели можно найти в работах лауреата Нобелевской премии Р. Манделла, который в 1961 г. сформулировал принципы оптимального валютного пространства, что послужило теоретической базой для создания зоны евро [27]. В работах отечественных ученых термин «валютное пространство» понимается как механизм взаимных бесперебойных расчетов [16], набор банковских инструментов управления экономикой [1], координация курсовой политики рядом стран [11]. В этой связи возникает необходимость научного осмысления условий формирования, экономической сущности и последствий функционирования эффективного валютного пространства для его участников. Это и послужило целью данного исследования, с соответствующими задачами, такими как описание предпосылок создания валютных пространств, их трансформации, выделение критериев для классификации существующих валютных пространств и их роли в условиях кризисной мировой экономики.

Материалы и методы

В статье используются материалы Договора о Евразийском экономическом союзе [9]. Для аргументации приводятся экспертные мнения. В научном плане статья опирается на исследования сущности капиталистической системы [10], экономических кризисов в прошлом [24] и в условиях финансовой стадии современного капитализма [19], теории и практики оптимальных валютных зон [17, 27], денежного и валютного

обращения [6], хозяйственных перспектив рубля как валюты-лидера в соответствующей валютной зоне [15]. Автор критически анализирует позиции отечественных и зарубежных ученых по вопросам сущности и значения валютного пространства [1, 11, 16]. С исследовательской точки зрения автор остается на позициях плюрализма мнений, синтез которых позволяет создавать действенные парадигмы в области валютного взаимодействия.

Результаты исследования

Сегодня экономическая модель, основанная на безграничном расширении производства и потребления, реализованная в экономически успешных странах, находится в состоянии системного кризиса. Залогом ее успешного функционирования до 1990-х гг. являлся механизм создания глобального долга, который в последние 30 лет был дополнен механизмом эксплуатации ресурсной базы экономик постсоциалистического типа.

Формами проявления трансформационного кризиса в экономически лидирующих странах стали такие признаки, как отказ от принципов защиты частной собственности; отказ от признания за институтом конкуренции права определять структурные экономические пропорции; усиление методов директивного государственного и корпоративного регулирования и давления на товаропроизводителей с помощью внутренних и надгосударственных санкций; отказ от традиционных целей в системе национальной экономической безопасности в пользу расового, гендерного и цифрового приоритетов.

Указанные явления сформировались на фоне превращения США как страны-эмитента ключевой мировой валюты из всемирного кредитора в нетто-должника. Современная экономика США, как и в период Великой депрессии, демонстрирует промышленный спад, безработицу, сокращение платежеспособности населения в результате перераспределения стоимости в пользу спекулятивного капитала [24]. Эти экономические явления пока носят латентный характер, но промышленная инфляция, которая неминуемо приведет к общей инфляции, уже достигла серьезных значений на уровне 15—17% в 2021 г. и 25—30% в 2022 г. [4]. Но у современных США есть валютное пространство доллара, демонстрирующее экономическую мощь страны, выполняющее исключительную роль в мировой экономике и геополитике.

Обсуждение

Валютное пространство как индикатор экономического потенциала страны-доминанта

Под валютным пространством следует понимать зону хозяйственного взаимодействия по поводу торговли, налогообложения, пошлин, кредитов и субсидий ряда государств или экономических агентов с использованием выбранной ими валюты-доминанта или платежного средства (как в ситуации криптовалютного покрытия), функционирующую

на принципах жесткой фиксации курсов национальных валют/платежных средств, ценообразования и тезаврации. Валютное пространство не совпадает с понятием валютной зоны [16] и валютного блока [6], поскольку необязательными условиями являются использование единой коллективной валюты, достижение внутреннего макроэкономического равновесия (низкие показатели инфляции и безработицы) и внешнего равновесия (нулевое общее сальдо платежного баланса).

Примеров валютных пространств немало: от хрестоматийного западноевропейского варианта на базе евро до аристократично-экзотического валютного пространства швейцарского франка, который, являясь национальной валютой Швейцарии с 1850 г. (хотя известен с 1798 г. при Гельветической республике), находится в обращении в Лихтенштейне, итальянском эксклаве Кампионе-д'Италия и немецком эксклаве Бюзинген-ам-Хохрайн.

Среди стран Латинской Америки и Карибского бассейна можно выделить валютные пространства, функционирующие на базе общих рынков и действия единых внешних тарифов: Южноамериканский общий рынок (МЕРКОСУР), Карибское сообщество (КАРИКОМ), Андское сообщество, Организация восточнокарибских государств с общей валютой — карибским долларом. Латиноамериканское единое валютное пространство базируется на внешней валюте, которая сначала используется для внешних расчетов, а потом вытесняет национальные деньги из внутреннего обращения [25].

В Африке функционирует валютное пространство франка КФА Западноафриканского экономического и валютного союза (с 1994 г.), в который входят бывшие французские колонии. Франк КФА привязан к иностранной валюте, используется для внешних расчетов, но не проникает во внутренние; эмиссию коллективных денег финансирует бывшая метрополия. Интересно отметить, что разрабатываемые проекты азиатских валютных пространств сочетают элементы европейской и действующей африканской моделей.

В исламском арабоязычном мире с 2003 г. существует проект золотого динара, в который входят Саудовская Аравия, ОАЭ, Кувейт, Катар, Бахрейн, Оман, а также Малайзия, которая использует золотой динар в расчетах с Брунеем, Ираном, Бангладеш, Йеменом, Мальдивами. Попытки использовать золотой динар в расчетах стран — членов ОПЕК наталкиваются на активное противодействие со стороны МВФ — признанном инструменте финансовой гегемонии США.

Развитые валютные пространства в ситуации кризиса

Валютное пространство доллара США является доминирующим в мировой экономике с середины XX в. Основанием для его появления и воспроизводства служат итоги Второй мировой войны и экономические позиции американского государства в 1950—2020 гг. Доминирование подтверждается неконтролируемой извне эмиссией мировой валю-

ты, ценообразованием на ключевые биржевые ценности в валюте США, а также лидирующей позицией в качестве активов в резервах центральных банков, несмотря на сокращение его доли с 71% в 1999 г. до 59% в 2022 г. [21].

Второе в мире по объему и влиянию на мировую экономику — валютное пространство евро. Данная коллективная валюта имеет внутреннее происхождение и является результатом процессов валютной интеграции, которые со второй половины XX в. стали важнейшей тенденцией мировой финансовой системы. Европейские страны сразу после утверждения принципов Бреттон-Вудской валютной системы (1944 г.) оказались в поиске контрмер по отношению к нарастающей гегемонии американского доллара. Эти усилия привели в 1950 г. к созданию Европейского платежного союза, а к началу XXI в. — единой валюты, которая получила статус первой классной, широко востребованной как средство международных расчетов и тезаврации. Доля евро в качестве актива в резервах центральных банков с 1999 по 2021 г. включительно оставалась на уровне 20% [21]. Однако евро стремительно теряет свои позиции в качестве инструмента ценообразования на мировом рынке и рискует превратиться во второстепенную валюту с локальным статусом [22].

Факторами давления на валютные пространства доллара США и евро стали объективные процессы в мировой экономике. Во-первых, это растущая экономика Китая с соответствующим расширением зоны влияния китайского капитала. Во-вторых, формирование криптовалютных пространств, которые характеризуются фрагментарностью охвата территорий и государств, развиваются динамично, однако слабо непредсказуемы, зачастую функционируют вне правового поля, выступая как своеобразные криптоофшоры. В-третьих, политико-экономические события 2022 г., связанные с изменением позиции РФ на рынке энергоресурсов, а также переосмотр договоров со стороны РФ, Индии, ряда арабских стран и Китая относительно торговых сделок, номинированных в долларах США. Указанные явления свидетельствуют об изменении значимости ряда национальных валют, которые ранее находились в тени доллара США и играли роль локальных инструментов в мировой торговле.

*Потенциальные валютные пространства
как результат геополитических
и экономических процессов*

В настоящее время можно говорить о нескольких экономических зонах, которые в зависимости от хода мирового трансформационного кризиса имеют шанс оформиться как новые валютные пространства. Рабочими предпосылками формирования новых оптимальных валютных пространств является выполнение следующих условий для стран-участников:

- объем, открытость и диверсификация экономики;
- достижение симметрии темпов инфляции и антиинфляционных мер;

- мобильность факторов производства, в основном рабочей силы, для нивелирования внешних по отношению к данному пространству ценовых шоков;
- достаточная степень взаимной экономической и политической интеграции.

Валютное пространство китайского юаня стало логичным явлением в противостоянии между США и Китаем как двух экономических гигантов. «Взросление» юаня в качестве мировой валюты идет быстрыми темпами. Так, с 1949 по 1974 г. юань конвертировался только через гонконгский доллар и английский фунт стерлингов; после 1974 г. он стал конвертироваться с жесткой фиксацией к доллару США, а после 2005 г. курс юаня стал устанавливаться по отношению к национальным денежным единицам основных торговых партнеров Китая, включая страны ЕС, РФ, США, при решающем влиянии США. С 2015 г. МВФ присвоил юаню статус резервной валюты в корзине SDR. Однако до сих пор юань не является свободно конвертируемой валютой. Усилению юаня в мировой экономике способствует значительная инфляция американского доллара и других валют. За 2021 г. инфляция в США составила 7,7%, в Еврозоне — 10, в Великобритании — 11,1%, в то время как Китай показал инфляцию всего на уровне 2,1% [29]. КНР делает все, чтобы стать экономическим лидером в мире и распространить влияние юаня повсеместно, несмотря на худшие за последние 30 лет показатели роста ВВП. Китаем была создана собственная система международных переводов CIPS. В 2021 г. общая сумма переводов через нее составила 80 трлн юаней, или 11% от суммы переводов системы SWIFT, что обеспечило этой валюте третье место в мире после доллара США и евро [14].

Одним из важнейших для РФ потенциальным валютным пространством является валютная зона рубля в рамках сотрудничества стран ЕАЭС (Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия и РФ) [9]. ЕАЭС обладает большим ресурсным потенциалом: совокупная численность населения составляет 2,4% от населения планеты, совокупный ВВП стран-членов составляет 2,3% в структуре мирового ВВП. В 2022 г. на правительственном уровне было объявлено о старте единого рублевого пространства в рамках организации ЕАЭС и провозглашен поэтапный переход на расчеты в национальных валютах, отменены импортные пошлины по 458 позициям, что составит экономию для потребителей более 0,5 млрд долларов [2]. Соответствие экономических и организационных показателей стран — участниц ЕАЭС условиям формирования оптимальных валютных пространств выполняется по всем рабочим пунктам, представленным выше, но с некоторыми допущениями. Так, согласно данным Банка России, в рамках ЕАЭС обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, осуществляется проведение скоординированной политики в отраслях экономики, определенных Договором и международными договорами в рамках ЕАЭС. Уровень инфляции в странах ЕАЭС в годовом выражении — не более чем на 5 пунктов выше уровня

инфляции в государстве-члене с минимальным значением данного показателя. Есть сомнения, что различие в инфляции 5% достаточно мало, чтобы не вызывать негативные последствия невозможности проведения независимой денежно-кредитной политики, однако на фоне ускоряющейся мировой инфляции данный показатель можно считать приемлемым. Также проблематично говорить о достаточной степени диверсификации экономики стран — членов ЕАЭС, что компенсируется процессом активной экономической интеграции. В 2012 г. начал функционировать Таможенный союз РФ, республик Беларусь и Казахстан на основе принятого в 2010 г. Таможенного кодекса. В 2021 г. объем внешней торговли ЕАЭС с третьими странами превысил 844 млрд долларов, что на 35% больше, чем в предыдущем году; объем взаимной торговли внутри союза в 2021 г. составил 72,6 млрд долларов и за год вырос на 32% [20].

Сравнение валютных пространств российского рубля и китайского юаня очевидно в пользу последнего, но несмотря на колоссальное значение юаня в мировой экономике пока рано говорить о его роли в качестве глобальной альтернативы американскому доллару или евро. Скорее всего, в этом качестве может выступать криптовалютное пространство, которое вызывает серьезные опасения на правительственном, корпоративно-банковском и экспертном уровнях [5, 28]. В 2021 г. мировой объем криптовалютных транзакций по основным монетам составил рекордные 16 трлн долларов, что сопоставимо с размером ВВП Китая — второй экономики мира. По разным оценкам, каждые 10—16 человек на Земле владеют тем или иным криптокошельком, а общее число криптовалют достигает 13 тыс. Эти внушительные данные компенсируются тем, что на криптоактивы приходится лишь 1% от глобальных финансов и они не участвуют в платежах в рамках реальной экономики [18]. Однако есть все предпосылки для роста этого сектора мировой экономики, в том числе по причине усиления контроля за платежными инструментами со стороны большинства государств мира с помощью введения национальной цифровой валюты, например цифрового рубля. В этом случае криптовалютное пространство возьмет на себя функции криптооффшора, являясь наднациональным элементом мировой финансовой системы без соответствующего законодательства.

Заключение

В работе проанализированы и сформулированы характеристики трансформационного кризиса 2020-х гг.

Во-первых, это разрушение структуры экономики в силу отсутствия механизма перелива капитала, результатом чего становится финансирование проектов с сомнительной общественной полезностью и востребованностью (например, частные инвестиции космических исследований), т.е. большие капиталы не находят применения и привычной нормы прибыли в старой модели и пытаются найти области временного применения.

Во-вторых, трансформационные кризисные явления могут оказаться тупиковыми и, как следствие, затяжными, что объясняется отсутствием элементов новой инфраструктуры, принципов ценообразования, соответствующей идеологии, с одной стороны, и несогласием, психологической и технической неготовностью людей средних и старших поколений интегрироваться в новую экономическую модель, с другой стороны.

В-третьих, главными индикаторами трансформационных изменений выступает резкое расслоение населения по доходам, доступу на рынок труда, фактическое вымывание из социальной структуры среднего класса, сокращение населения на фоне падения рождаемости.

Формирование макрорегиональных и локальных валютных пространств представляется естественным результатом нарастающего трансформационного кризиса. При этом страна — лидер валютного пространства будет стремиться к его оптимальности, что будет означать достижение реальной экономической многополярности в мировой экономике.

Оптимальное валютное пространство с валютой-доминантой является результатом взаимосвязанных экономических факторов: механизма создания добавленной стоимости в результате создания ценностей и механизма ценообразования в валюте-доминанте на принципиальные экспортные продукты и ресурсы. Взаимодействие указанных факторов формирует соответствующую модель хозяйства, в рамках которой функционируют страны и агенты того или иного валютного пространства. При этом особенно следует подчеркнуть, что все надстроечные инструменты, типа механизма взаимных расчетов, являются вторичными по отношению к процессу ценообразования.

На наш взгляд, для формирования оптимального рублевого валютного пространства необходимы отказ от либеральной политики во всех сферах экономики с особым акцентом на образование, культуру, идеологию; запуск механизма альтернативного рублевого ценообразования на нефть и газ, что обеспечит РФ независимость от любых иностранных ограничений на эти системообразующие биржевые товары. В этой связи необходимо явочным порядком запустить российскую валютную биржу с запретом деятельности экономических агентов, которые котируют товары не в рублях. Это позволит не привязывать отечественные сорта нефти к котировкам, которые определяются независимыми агентствами Platts (США) и Argus Media (Великобритания). Еще одним очевидным поворотом в экономической политике страны-доминанта формирующегося рублевого валютного пространства является доинвестирование российской экономики, т.е. обеспечение платежеспособности всех экономических агентов в соответствии с классическими кейнсианскими рецептами макроэкономического оживления. Для этого необходим инвестиционный механизм на основе вовлечения не только бюджетных денег, но и денег всех агентов, с целью создания производственного самодостаточного макрорегиона и превращения рубля из сырьевой валюты в валюту-доминанту.

Следует подчеркнуть, что создание глобальных валютных пространств, помимо системообразующих пространств доллара США и евро, а также стремящегося к этому статусу китайского юаня, в обозримой перспективе трудно представимо. Создание надежных региональных валютных пространств (за исключением Китая) имеет немного шансов, в отличие от самого серьезного конкурента для мировых валютных лидеров — криптовалютного пространства, которое уже стоит на службе у принципиально новой, всплывающей империи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеева Т.Е.* Единое валютное пространство: Европейский опыт // *Финансы и кредит.* 2008. № 23. С. 75—77.
2. Белоруссия выступила за расширение ЕАЭС на взаимовыгодных условиях. URL: <https://tass.ru/> (дата обращения: 20.12.2022).
3. *Бродский Б.Е.* Трансформационные кризисы // *Экономический журнал ВШЭ.* 1998. Т. 2. № 3. С. 322—341.
4. В США сработал самый мощный индикатор близкой рецессии. URL: <https://www.vedomosti.ru/> (дата обращения: 20.12.2022).
5. *Гаврилова В.Е.* Новые деньги в глобальной экономике 4.0 // *Вестник Московского университета. Сер. 27. Глобалистика и геополитика.* 2020. № 2. С. 77—88.
6. *Гаврилова В.Е.* Мировая валютная система // *Современная экономическая теория. Экономика для физиков и лириков.* М.: ИД «Научная библиотека», 2022. С. 377—388.
7. *Глазьев С.Ю.* Кризис глобальной финансовой системы: Угрозы и возможности для России // *Финансовая аналитика: Проблемы и решения.* 2008. № 10. С. 2—9.
8. *Гребер Д.* Долг. Первые 5000 лет истории. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016.
9. Договор о Евразийском экономическом союзе. URL: <https://docs.eaeunion.org> (дата обращения: 20.12.2022.).
10. Есть ли будущее у капитализма? Сб. статей. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017.
11. *Захаров А.В.* О концепции единого валютного пространства СНГ. М.: Юстицинформ, 2002.
12. *Караваева И.В.* Системный кризис 2022: Теоретический аспект // *Федерализм.* 2022. Т. 27, № 2. С. 46—61.
13. *Ким А.А.* Трансформационная экономика и кризис — теория и практика. Бишкек: КPCY, 2014.
14. Китайская система банковских переводов CIPS. URL: <https://u-techgroup.ru/cips/> (дата обращения: 20.12.2022).
15. *Кондукторов А.С.* Замещение доллара США рублем РФ при оплате российского экспорта // *Lex russica.* 2022. № 2(183). С. 24—33.
16. *Малинина Е.В.* Роль формирования единого валютного пространства на территории СНГ // *Финансы и кредит.* 2009. № 6. С. 66—69.
17. *Понин Ф.А.* К вопросу о теории оптимальных валютных зон // *Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика.* 2011. № 6. С. 42—51.
18. Регулирование криптовалюты: Мировой опыт. URL: <https://econs.online/> (дата обращения: 26.12.2022).
19. *Секачева А.Б.* Кризисные явления в экономике Европейского союза на современном этапе его развития // *Мир новой экономики.* 2021. № 1. С. 91—99.

20. Страны ЕАЭС договорились о переходе на расчеты в нацвалютах. URL: <https://www.vedomosti.ru/> (дата обращения: 20.12.2022).
21. Currency composition of official foreign exchange reserves (COFER). URL: <https://data.imf.org/> (дата обращения: 26.12.2022.).
22. *Feldstein M.* The Failure of the Euro: The little currency that couldn't // Foreign Affairs. 2012. Т. 91. P. 105—116.
23. *Fischer S., Sahay R., Vegh C.A.* Stabilisation and growth in transition economies: The early experience // Journal of Economic Perspectives. 1996. Vol. 10(2). P. 45—66.
24. *Galbraith J.K.* The Great Crash 1929. Leicester: Penguin Books, 2021.
25. *Gavrílova V.E.* América Latina y Rusia en condiciones de digitalización del sistema monetario: Cuestiones de teoría y práctica // Iberoamérica. 2021. № 3. P. 35—57.
26. *Melo M. de, Denizçer C., Gelb A.* Patterns of transition from plan to market // The World Bank Economic Review. 1996. Vol. 10, N 3. P. 397—424.
27. *Mundell R.* A theory of optimum currency areas // American Economic Review. 1961. N 53. P. 657—665.
28. *Vigna P., Casey M.* The age of cryptocurrency: How bitcoin and digital money are challenging the global economy. N.Y.: St. Martin's Press, 2015.
29. Weekly data: Zero-Covid policy pushes China to the brink of recession. URL: <https://www.investmentmonitor.ai/> (дата обращения: 26.12.2022).

REFERENCES

1. Alekseeva T.E. 2008. “Common Currency Space: European Experience”. *Finance and Credit*, no. 23(311), pp. 75—77. (In Russ.)
2. *Belarus supported the expansion of the EAEU on mutually beneficial terms.* Available at: <https://tass.ru/> (accessed: 20.12.2022). (In Russ.)
3. Brodsky B.E. 1998. “Transformational crises”. Higher School of Economics Economic Journal, vol. 2, no. 3, pp. 322—341. (In Russ.)
4. *The most powerful indicator of an imminent recession has worked in the US.* Available at: <https://www.vedomosti.ru/> (accessed: 20.12.2022). (In Russ.)
5. Gavrílova V.E. 2020. “New money in the global economy 4.0”. *Bulletin of the Moscow University. Series 2. Globalistics and geopolitics*, no. 2, pp. 77—88. (In Russ.)
6. Gavrílova V.E. 2022. “World monetary system”. In *Modern economic theory. Economics for physicists and lyricists*. Moscow, Publishing House “Scientific Library”, pp. 377—388. (In Russ.)
7. Glazyev S.Yu. 2008. “The Crisis of the Global Financial System: Threats and Opportunities for Russia”. *Financial Analytics: Problems and Solutions*, no. 10, pp. 2—9. (In Russ.)
8. Graeber D. 2016. *Debt. The first 5000 years of history*. Moscow, Ad Marginem Press. (In Russ.)
9. *Treaty on the Eurasian Economic Union.* Available at: <https://docs.eaeunion.org> (accessed: 20.12.2022). (In Russ.)
10. *Does capitalism have a future?* 2017. Moscow, Gaidar Institute Publishing House. (In Russ.)
11. Zakharov A.V. 2002. *On the concept of a common currency area of the CIS*. Moscow, Yustitsinform. (In Russ.)
12. Karavaeva I.V. 2022. “System Crisis 2022: Theoretical Aspect”. *Federalism*, vol. 27(2), pp. 46—61. (In Russ.)

13. Kim A.A. 2014. *Transformational economy and crisis — theory and practice*. Bishkek, KRSU. (In Russ.)
14. *Chinese bank transfer system CIPS*. Available at: <https://u-techgroup.ru/cips/> (accessed: 20.12.2022). (In Russ.)
15. Conductorov A.S. 2022. “Replacing the US dollar with the Russian ruble when paying for Russian exports: a financial and legal mechanism for implementation and consequences for monetary policy”. *Lex Russica*, no. 2 (183), pp. 24—33. (In Russ.)
16. Malinina E.V. 2009. “The role of the formation of a single currency space in the CIS”. *Finance and Credit*, no. 6, pp. 66—69. (In Russ.)
17. Ponin F.A. 2011. “To the question of the theory of optimal currency zones”. *Bulletin of the Moscow University. Series 6. Economy*, no. 6, pp. 42—51. (In Russ.)
18. *Cryptocurrency regulation: world experience*. Available at: <https://econs.online/> (accessed: 26.12.2022). (In Russ.)
19. Sekacheva A.B. 2021. “Crisis phenomena in the economy of the European Union at the present stage of its development”. *World of New Economics*, no. 1, pp. 91—99. (In Russ.)
20. *The EAEU countries have agreed to switch to settlements in national currencies*. Available at: <https://www.vedomosti.ru/> (accessed: 20.12.2022). (In Russ.)
21. *Currency composition of official foreign exchange reserves (COFER)*. Available at: <https://data.imf.org/> (accessed: 26.12.2022.).
22. Feldstein M. 2012. “The Failure of the Euro: The little currency that couldn’t”. *Foreign Affairs*, vol. 91, pp. 105—116.
23. Fischer S., Sahay R., Vegh C.A. 1996. “Stabilisation and growth in transition economies: the early experience”. *Journal of Economic Perspectives*, no. 10 (2), pp. 45—66.
24. Galbraith J.K. 2021. *The Great Crash 1929*. Leicester: Penguin Books.
25. Gavrilova V.E. 2021. “Latin America and Russia in the conditions of digitalization of the monetary system: questions of theory and practice”. *Iberoamérica*, no. 3, pp. 35—57. (In Span.)
26. de Melo M., Denizer C., Gelb A. 1996. “Patterns of transition from plan to market”. *The World Bank Economic Review*, vol. 10, no. 3, pp. 397—424.
27. Mundell R. 1961. “A theory of optimum currency areas”. *American Economic Review*, no. 53, pp. 657—665.
28. Vigna P., Casey M. 2015. *The age of cryptocurrency: how bitcoin and digital money are challenging the global economy*. New York, St. Martin’s Press.
29. *Weekly data: Zero-Covid policy pushes China to the brink of recession*. Available at: <https://www.investmentmonitor.ai/> (accessed: 26.12.2022).

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ

1. *Alekseeva T.E.* Edinoe valyutnoe prostranstvo: Evropejskij opyt // *Finansy i kredit*. 2008. № 23. S. 75—77.
2. Belorussiya vystupila za rasshirenie EAES na vzaimovyygodnyh usloviyah. URL: <https://tass.ru/> (data obrascheniya: 20.12.2022).
3. *Brodskij B.E.* Transformacionnye krizisy // *Ekonomicheskij zhurnal VSHE*. 1998. T. 2, № 3. S. 322—341.
4. V SSHA srbotal samyj moshchnyj indikator blizkoj recessii. URL: <https://www.vedomosti.ru/> (data obrascheniya: 20.12.2022).
5. *Gavrilova V.E.* Novye den’gi v global’noj ekonomike 4.0 // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Ser. 27. Globalistika i geopolitika. 2020. № 2. S. 77—88.

6. *Gavrilova V.E.* Mirovaya valyutnaya Sistema // *Sovremennaya ekonomicheskaya teoriya. Ekonomika dlya fizikov i lirikov.* M.: ID «Nauchnaya biblioteka», 2022. S. 377—388.
7. *Glaz'ev S.Yu.* Krizis global'noj finansovoj sistemy: Ugrozy i vozmozhnosti dlya Rossii // *Finansovaya analitika: Problemy i resheniya.* 2008. № 10. S. 2—9.
8. *Greber D.* Dolg. Pervye 5000 let istorii. M.: Ad Marginem Press, 2016.
9. Dogovor o Evrazijskom ekonomicheskom soyuze. URL: <https://docs.eaeunion.org> (data obrascheniya: 20.12.2022).
10. Est' li budushchee u kapitalizma? Sb. Statej. M.: Izd-vo Instituta Gajdara, 2017.
11. *Zaharov A.V.* O koncepcii edinogo valyutnogo prostranstva SNG. M.: Yusticinform, 2002.
12. *Karavaeva I.V.* Sistemnyj krizis 2022: Teoreticheskij aspekt // *Federalizm.* 2022. T. 27(2). S. 46—61.
13. *Kim A.A.* Transformacionnaya ekonomika i krizis — teoriya i praktika. Bishkek: KRSU, 2014.
14. Kitajskaya sistema bankovskih perevodov CIPS. URL: <https://u-techgroup.ru/cips/> (data obrascheniya: 20.12.2022).
15. *Konduktorov A.S.* Zameshchenie dollara SSHA rublem RF pri oplate rossijskogo eksporta // *Lex russica.* 2022. № 2(183). S. 24—33.
16. *Malinina E.V.* Rol' formirovaniya edinogo valyutnogo prostranstva na territorii SNG // *Finansy i kredit.* 2009. № 6. S. 66—69.
17. *Ponin F.A.* K voprosu o teorii optimal'nyh valyutnyh zon // *Vestnik Moskovskogo universiteta.* Ser. 6. Ekonomika. 2011. № 6. S. 42—51.
18. Regulirovanie kriptovalyuty: Mirovoj opyt. URL: <https://econs.online/> (data obrascheniya: 26.12.2022).
19. *Sekacheva A.B.* Krizisnye yavleniya v ekonomike Evropejskogo soyuza na sovremennom etape ego razvitiya // *Mir novej ekonomiki.* 2021. № 1. S. 91—99.
20. Strany EAES dogovorilis' o perekhode na raschety v nacvalyutah. URL: <https://www.vedomosti.ru/> (data obrascheniya: 20.12.2022).